

The background of the book cover is a detailed painting. The top half shows a chaotic battle scene with a large, golden-scaled dragon breathing fire. Knights in armor are fighting on horseback. The bottom half shows a dark, stormy sea with a ship's mast visible in the distance. A dark grey rectangular box is overlaid on the top half, containing the title and author information.

Виктор Балдоржиев

Покидая тысячелетие

Книга вторая

18+

Виктор Балдоржиев

Покидая тысячелетие.

Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Балдоржиев В.

Покидая тысячелетие. Книга вторая / В. Балдоржиев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1805-8

Мысль – это конечный продукт на данном этапе моего развития. Это говорит о том, что тот, кто вертит тобой или нами, неизмеримо дальше и выше нас. Мы можем осознавать его уровень развития, но достигнуть не можем. Его конечный продукт, то есть мысль, будет всегда приходить к нему раньше, чем к нам! Мы даже можем жить с ним вместе, как говорится, сосуществовать. Но обогнать в своём развитии не можем... Полёт Матиаса Руста – это просто его забава. Все, кто окружают нас, имеют совершенно другой, чем мы, уровень развития. И нечего вопить по этому поводу.

ISBN 978-5-5321-1805-8

© Балдоржиев В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Покидая тысячелетие	5
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвёртая	18
Глава пятая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Покидая тысячелетие

Повесть о том, как я роман писал...

Книга вторая

Глава первая

Билет у меня был до Хабаровска, а там надо было покупать новый, на какой-то сложный маршрут – Острог-Иркутск и куда-то в Среднюю Азию.

Где я буду жить на материке? У меня никогда не было своего угла, только общежития и редакции, в перерывах между ними – жилища друзей-холостяков, какие-то ночлежки и заезжки, но более всего – мастерские художников. Там у меня прошли годы...

Конечно, у меня, как и у всякого человека каторжного края, было довольно много знакомых и родственников. Но я даже представить себе не мог, что могу постучаться к ним. Зачем, вообще, заходить в дома людей? По какому праву вторгаться в чужой мир? И что я там буду делать? Кушать и смотреть телевизор? Беседовать на какие-то совершенно непонятные мне темы? Интересоваться скотиной и огородом, если это село? Спрашивать о здоровье и достатке, дядях, тетях, детях? Но это же неискренне, нечестно. Притворство это! Зачем притворяться, а в мыслях искать совсем другое место для своего тела и дела. Почему-то я чувствовал себя уютно среди преступников и проституток, бродяг и художников.

Куда ехать? Сразу к тёте в Байкальск? Остановиться в общежитии «Комсомольца окраины» в Остроге, оттуда лететь в Акатуй-Зерентуй к Чижову? Или сразу к Любоеду в мастерскую?

Острог, конечно, родной город. Кстати, название ему дали декабристы, сами же и строившие острог, а потом запланировавшие по всем правилам градостроительства целый город. С тех пор Острог разделен вдоль и поперёк на прямые, как линейка, улицы. Остальные города Сибири и Дальнего Востока, это – спуски и подъёмы с неожиданными обрывами и впадинами, ничего прямого и вычерченного. По Владику и Хабаровску вообще ходить трудно, а Байкальск построен на каких-то оврагах, которые пересекаются и одна выходит из другой. Там только буряты и трамваи ходят прямо.

В аэропорту Хабаровска я купил билет до Острога, вылет был на завтра. Бесцельно бродя по городу, я купил газеты, и теперь размышлял о девятнадцатилетнем немце, который умудрился посадить свой самолёт на Красную площадь. Вообще, происходило что-то совершенно непонятное. Мне казалось, что я всё время выпадаю из пространства и времени, а попав обратно, оказываюсь уже другим человеком, который должен жить заново, но не может. Не может!

Стоя с газетой на тротуаре, я тупо читал «Ул. им. А. К. Флегонтова». Что-то переключилось у меня в голове, и я мучительно размышлял над фамилией, пока ясно не представил село Олочи, стоявшее на самом берегу Аргуни. И вдруг точно вспомнил: это же один из персонажей, о котором я должен написать целую главу в романе! Немец Руст выбил у меня из головы всю историю...

Алексей Канидиевич Флегонтов, мужик из нашего каторжного края, стал здесь первым председателем крайисполкома. Из Олочей. Года три назад, изучая его биографию, я смеялся: Флегонтов оказался пожизненным партизаном. Кто может представить себе пожизненного партизана? А я – могу. Такое возможно только в нашем, каторжном, краю. Матиас Руст, конечно, может стать героем, если только технология позволяет. Попробовал бы он прославиться с голыми руками?

Сев на скамейку в каком-то сквере, я выбросил газету с немцем в урну. Что ты, Виктор Борисович, забеспокоился о ночлеге и вообще, о своём угле? Ты подумай об Алексее Канидиевиче Флегонтове, который был организатором партизанского движения в Гражданскую войну

на твоей каторге и Дальнем Востоке. С началом Великой Отечественной войны за несколько дней написал брошюру «Спутник партизана», отправил рукопись Сталину, после чего отправился с группой бойцов в тыл врага и организовал там партизанскую бригаду «За Родину!». Один из руководителей партизанского движения, Герой Советского Союза, генерал-майор. О нём у меня должна быть целая глава.

Как же так получается? Я знаю наизусть десятки биографий, а биографию Флегонтова – до мелочей, но на его улице – забываю. И всё потому что немец посадил свой самолёт на Красной площади! Выбросил я только газету, но немец не улетит обратно, событие не повернётся вспять. Оно случилось! За ним случатся и все остальные, какие тебе, Виктор Борисович и присниться не могут.

В гостинице мне предложили только двухместный номер, где уже был постоялец. Естественно, я согласился. Номер был открыт и постоялец, плотный и смуглый мужик с черной щеточкой усов, уже выпивал и закусывал. Пригласил и меня к столу. Отказываться не стал, а потому сходили вместе за второй.

В полночь заговорили на все темы разом: политика, страна, перестройка, сельское хозяйство.

– А почему коза серит горошками, а казах лепёшками?

– Ты в говне не разбираешься, а туда же – в сельское хозяйство!

Мы чуть не подрались. Потом познакомились. Бахыт Сериков, зоотехник. Прибыл с целью сбыта баранины и говядины. Ах вот почему он взбеленился на меня за вопрос – казах с фамилией Сериков. В общем, мы с ним подружились и послали Матиаса Руста к чёрту. Но ведь не улетит же обратно! Вот привязался...

Тяжелый, с похмелья, я подлетал к Острогу. Над землей клубились огромные облака дыма, закрывая тайгу и сопки, озёра и реки. Города не видно было вообще. Что это? Всепланетная катастрофа? Врезался метеорит? Атомная бомба? Внизу горело всё, что может гореть! Дым становился уже чёрным, клубы его поднимались и растекались лохмотьями. Время в салоне стало военным, рёв двигателей усилился, люди тревожно шептались, внизу полыхал фронт. В голове у меня взрывались кошмары.

Самолет сел с третьей попытки. Сквозь дым мелькали силуэты вертолётов, самолётов и машин. И только в аэропорту сказали: седьмые сутки горит тайга. Таких пожаров каторга никогда не знала и не видела? Природные? Не может быть! Поджигают какие-то диверсанты? Но откуда они? С прилётом Матиаса Руста стало возможно всё.

В моём сознании вспыхнуло, как табло: тайгу в глобальных масштабах специально, цель – вывоз за границу. И это только начало.

В «Кошаре», то есть общежитии «Комсомольца окраины» было всё по-прежнему. Будто бы и не улетал никуда. За окном – дым, в квартире – пьянка и разврат.

– Китайцы по всей тайге лес готовят! – сообщили комсомолята.

– Всех, наверное, купили. Сами не жгут, а людей нанимают.

– Так они всю планету сожгут!

– А почему бы и нет? Ты же не охраняешь.

– Кто их запустил?

– А кто немца пустил на Красную площадь?

– Ребята, машинка пишущая есть?

– Витька прилетел! У Сашки в комнате есть. Но он там с чувихой кувыркается. Зайди, да возьми. На подоконнике пристраивайся.

– Или к Сашкиной бабе.

– Здорово, Азар, садись – водки дам!

Картина стала ясной. Жизнь здесь становится всё хуже и хуже, но никто и не думает об этом. Принцип старый «Нас толкнули – мы упали, нас подняли – мы пошли». Герои! Любую войну выиграют, смело войдут в чужие города, а в свои вернутся со страхом...

Спасибо Барабашу: бухгалтерия начислила мне столько денег с коэффициентами и гонорарами, что хватило бы прожить месяц в условиях города, да ещё снимая квартиру. В Остроге оставаться нельзя. В «Кошаре» ничего не напишешь, не издашь, не придумаешь. Воображение там одно – пьянка и разврат. Остаются – тётя Белла и Чижов. Первая – издательство, второй – работа и жильё.

Значит, надо всё-таки съездить к тёте. Отчитаться за наработанный социальный статус. Три экземпляра половины написанного романа у меня есть. Тоже товар, не серу же варить, как раньше. Можно где-нибудь ещё и гонорею, то гонорар надыбать, как говорят на каторге.

Теперь я снова упаковывал сумку.

– Ты куда? Только зашёл и снова собрался.

– В Байкальск.

– Во даёт Азар! А поговорить?

– Некогда, мужики.

Снова я сбегал по лестнице с пятого этажа, и снова слышал вслед треньканье гитары и хриплые голоса зассанных «диссидентов» каторги. Никогда я не осуждал и не собираюсь этого делать. Ведь этом мои друзья и современники. А их не выбирают.

Улицы – в дыму, троллейбус идёт чуть ли не наощупь. Все ждут спасительного ветра, который должен разнести дым. Дурачье, ветер, наоборот раздует пожар до вселенских масштабов.

– Говорят, что вся власть сбежала!

– Кто же это такую панику распускает?

– Слухи говорите? В каждом слухе – чуткое ухо!

– Никто не тушит. Что же это творится? Никогда таких пожаров не было!

– Лес кому-то нужен. Не понятно что ли. Списывать легко на горельники, а под них полстраны вывезти в Китай.

Троллейбус трясло. Правильная поговорка – управляет один, а трясутся все. Вот и вокзал – лежбище шныряющих по стране толп и родной дома цыган.

Билеты до Байкальска есть всегда. На челябинский поезд, посадка уже идёт! Ох, отвык я от материка! Маленькие размеры портят большие чувства.

Успокоился я только у окна вагона. Казалось, что вагон специально набили пьяными вперемишку с цыганами. Нельзя ли прицеплять для них отдельный, цыганский, вагон? Откуда-то нестерпимо воняло тухлым мясом. Студентам что ли продукты везут. Нахера такой тухлятиной дитё кормить? Дань традициям? Человек меняется непрерывно. Вот в эту минуту он совершенно отличается от своего предка, который жил десять или пятьдесят лет тому и вынужден был есть кисло-молочные продукты и жирное мясо, которое, кстати, не у каждого могло быть. Сегодняшнему существу, вопиющему о славных делах своих кисломолочных предков, очень вредно поглощать продукты, требуемые человеку пятьдесят лет тому назад.

По проходу протискивались молчаливые мужики и бабы с кипами газет, журналов, дикой порнографии, гороскопов, предлагая их купить. Народ совал им синими от татуировок руками синие рубли. Говорили, что остановки, вокзалы и поезда облюбовали карманники, откуда-то вынырнули банды грабителей. А тут ещё пожар. И дым!

Часа через два, подложив под голову чёрную кожаную куртку, я вжался в угол. Но сна не было. Гудела и вихрилась какая-то нереальная реальность. Внезапно я оказывался в детстве и, счастливый скакал куда-то на коне вдоль берега реки, то ехал с отцом и матерью на нашем

«ГАЗ-67», и все мы смеялись, ветер развеивал наши волосы, вдоль обочин быстро мелькали трава и цветы, то бежал к пенящимся волнам моря в детском лагере «Орлёнок». Погрузившись в бездну счастья, я внезапно выныривал и оказывался в грязном вагоне, среди суесящихся, а оттого давящих друг друга людей, изрыгающих грязную похабщину и страшно пропахших водкой и табаком, тухлой едой и помоями. Также же пахнет в любом подъезде любого сибирского города.

Ночью эта неистребимая вонь обновлялась запахами едкой гари и дыма. Вагон храпел и стонал. Где-то натужно и страшно кашляли, казалось, что человек собирает в невероятном комке гноя половину себя, всю свою судьбу, чтобы выхаркнуть на всех нас. Конечно, каждый из нас может собрать таким образом себя и свою судьбу.

Все мы такие! Все – гной. Все мы одно несчастье и безумье...

– Братка, братка, дай закурить! – Чья-то лапка осторожно проникала под голову, устремляясь к моей куртке.

Выпрямился я мгновенно, так же мгновенно отпустив пружину левого кулака. «Братка» улетел в провал прохода, обо что-то ударился, но даже не пискнул. Бывалый.

– Правильно, братуха! Втихаря подлюка подлез! – Рассмеялся кто-то третий чуть ли не третьей полки.

– Каратист что ли? – Отозвался ему кто-то в темноте.

– На станции, наверное, забежал, – лениво сказал ещё один.

Куртка была на месте, бумажник – тоже. Сумка – подо мной, в ящике. За окном светало. В провале никто не суеился. Уполз куда-то карманник.

Мы подъезжали к Байкальску. Дым был и здесь.

Теперь я просыпался в новой реальности, уже не выпадая из пространства и времени. И знал, что эти пожары выгодны тем, кто сидит на самых верхах, в ЦК, обкомах и местных властях. Это какие-то неизвестные нам корпорации, которые собираются продавать лес мега-составами. Кто перед ними жалкий карманник, который, возможно, где-то моет под краном свою окровавленную башку, выплёвывая выбитые зубы под ругань пьяной матери?

А если горит вся страна?

В соседнем отсеке бреньчала гитара, звучала бурятская речь, нетрезвые и хриплые голоса напевали:

Сопки голы и не голы,

Поле ровное, как стол.

Здесь одни жидо-монголы.

Может, я – жидо-монгол?

Глава вторая

Знакомые, облупленные, стены вокзала Байкальска. Дым не исчезает и здесь. Кто бы увидел всю страну с высоты? Может быть, оттуда будет заметна какая-то закономерность пожаров, конфигурация горящих точек, по которым можно будет хоть приблизительно определить масштабы и объёмы готовящегося к вывозу леса? Это насколько же поднимется экономика Китая? И не в одном Китае, наверное, лес задержится, потом пойдёт дальше – в Корею, Японию, вернётся в Россию уже изящными поделками или мебелью. Вот и экономика, которая должна быть экономной.

Любое утро всегда прекрасно, подумал он и направился по пустынной улице, над которой поднималось солнце. Классическое предложение, которое я написал бы какому-нибудь абитуриенту, зарабатывая во время сдачи экзаменов. Так я начинал карьеру, а теперь могу составлять любые предложения, абзацы и периоды. Над Байкальском поднималось солнце, и я на минуту ушёл в лирику...

Макушка бетонного медведя, стоящего у входа в здание вокзала Байкальска, была снесена, оттуда торчали какие-то ветки, бутылки, банки, фигура потрескалась, постепенно обнажая ржавый проволочный каркас. Видно было, что Мишаня превращается в урну. Мне и раньше казалось, что медведь выпрашивает подаяние, а теперь он и вовсе взывал к жалости.

Кто его теперь реставрирует и покрасит? А тайга медведя горит.

Солнце исчезло. И снова что-то переключилось у меня в голове, я оглянулся и заново увидел гомонящее безобразие под унылым небом, откуда уже начинали падать редкие капли, может быть, первого в этом году дождя. Ливень обрушился бы, что ли или даже потоп! Должен же кто-то остановить это безумное торжество катастрофических пожаров, пьянства и грязи, разбоя и воровства.

Всюду говорят, что составы, идущие из Китая, грабят уже в открытую, выезжают сёлами и колхозами, на зилах и камазах. Милиционерам приказано открывать огонь на поражение. Но они тоже не прочь пограбить, сошлись – на дележе. Прямо вестерн какой-то! Наверное, почему-то кто-то считает, что нами можно вертеть так, как пожелает? Руководство страны, видимо, согласно с этим кто-то.

Но что с нами не так? Погоди, погоди, Виктор Борисович, начинать надо с развития. Не машиностроение, не промышленность, не сельское хозяйство или какая-нибудь продовольственная программа. Всё можно завезти, продать, купить.

Что основное? Сознание, ум. Значит, не развито мышление.

На острове ты много думал об этом. Так сильно размышлял, что уже подумывал о сумасшествии. Разные вещи человек может получить методом сложения. Так? Так! Но что он должен сложить для того, чтобы получить мысль?

Я уже давно прошёл вокзал и двигался в направлении Элеватора, рассматривая покоровившиеся дома, на балконах которых были наклеены национальные орнаменты чуть ли не из окрашенных штакетин. Под вывеской «Музыкальная школа» красовались две красные скамейки. Неужели на весь город?

Всё ещё продолжая ругаться неведомо с кем, я сел на одну из скамеек. Выходит, что мысль путём сложения получить нельзя. Она продукт... Чего продукт мысль? Мысль является сама, уже составленной неведомо как, сделанной, конечным продуктом развития. Ура! Мысль это то, чего я достиг, что узнал, чему научился, чего уже никогда не забуду.

Мысль – это конечный продукт моего развития!

Погоди, погоди, Виктор Борисович, ты не Кант и не Гегель, торопиться в этих вопросах тебе вредно. Мысль – это конечный продукт на данном этапе моего развития. На данном этапе, ты понял, Виктор Борисович? О чём это говорит?

Это говорит о том, что тот, кто вертит тобой или нами так, как пожелает, мыслит категориями своего этапа развития. Он неизмеримо дальше и выше нас. А мы не можем его достигнуть, даже если и видим уровень его развития. Мы можем осознавать его уровень развития, но достигнуть не можем. Его конечный продукт, то есть мысль, будет всегда приходить к нему раньше, чем к нам! Мы даже можем жить с ним вместе, как говорится, сосуществовать. Но обогнать в своём развитии не можем... Чайник, который он делает, всё равно будет лучше чайника, который сделаем мы. В этом вся заковыка.

Полёт Матиаса Руста – это просто его забава. Все, кто окружают нас, имеют совершенно другой, чем мы, уровень развития. И нечего вопить по этому поводу. Надо просто не выпускать их. Те, кто делали железный занавес, если только делали его, знали, что выпускать умного и развитого хищника в стадо баранов никоим образом нельзя.

Увидев меня, тётя чуть не упала в обморок, сестра моя Дина вскрикнула и уронила тарелку, которую собиралась не то мыть, не то куда-то положить. Но через пять минут всё вернулось в норму. Естественно, я для тёти был любимым сыном, для Дины – любимым братом. Они тут же отправили меня в магазин за невероятным количеством продуктов и напитков.

Дыма было уже меньше, небо тужилось, но дождь не спешил.

Увидев у меня несколько папок рукописей, тётя немедленно водрузила на нос очки, отчего сделалась похожей на шахиню в тюрбане. Пока мы с Диной занимались сервированием стола, она читала мои нетленки и вела в уме сложнейшие расчёты насчет родового социального статуса и моего личного участия в нём. Через час, она вынесла вердикт:

– Сдать в «Байкальские зори», на радио и «Комсомолец Байкала». Пока публикуют главы, дописать остальные. Роман должны принять. Самое важное – тема. Перестроечная тема. Фамилия твоя уже звучит. Повесть о партизане одобрена в Москве!

– Деньги, мама? – Вставила фразу в вердикт Дина.

Тут тётя на мгновение замешкалась. Но только на мгновение.

– Да, деньги. Тут пытались что-то оттяпать дружки твоего соавтора. Но откуда они могли знать, что я твоя родная тётя? За повесть я получила по твоей доверенности. Четверть суммы отправила твоей сестре, четверть – нам с Диной. Тебе остаётся – половина. Это четыре тысячи рублей. Получи!

Она торжественно прошла в свою спальню и вышла оттуда со шкатулкой, в которой лежали мои четыре тысячи рублей.

– Витька! – Восторженно сказала Дина, – Советую сразу же положить на сберкнижку. Есть у тебя сберкнижка.

– Спирткнижка у меня! – Теперь заговорил я, и первой же фразой чуть опять не отправил тётю в обморок. – Спасибо, что получили гонорар. Пользоваться разрешаю, но и в известных пределах.

С этими словами я открыл шампанское. Вместе с хлопком и шипением, очнулась и тётя. Азаровы и Шарлановы про неё говорили, что она – получилась, получила, получается...

Вышло это вот как: Белла Иосифовна из всех пяти сестёр Шарлановых получилась самой красивой и в молодости получила такого же красивого и высокого мужа, выдающегося прозаика и драматурга Байкальского региона, признанного Москвой и Союзом писателей СССР. Трагедия её заключалась не в том, что драматург в перерывах между вдохновениями пил по чёрному, а в том, что Белла Иосифовна терпеть не могла кого бы то ни было в пьяном виде. Драматург был изгнан, но осталась Дина. Такая же высокая и красивая, как и её родители.

После спецшколы с каким-то сложным английским уклоном, она училась в Ленинграде тоже в каком-то спецучреждении на кого-то и для чего-то. Теперь она проходила там аспирантуру. Я же считал её лучшим достижением знание английского языка.

Но, по мнению Беллы Иосифовны, ни блестящая учёба, ни образование Дины не могли дать того социального статуса роду, какой мог дать я. Жизнь с известным драматургом привела её к весьма прихотливым умозаключениям.

– Завтра же с утра ты идёшь в «Байкальские зори», я съезжу в издательство и подготовлю тебе встречу с редакторами радио и «Комсомольца Байкала». Кстати, мы подумаем о пьесе для нашего драмтеатра. Это будет сложно, но возможно. Баржанский же там завлит. Его не слушай, слушай меня! Смотри, в «Байкальских зорях» – ни грамма! Там твои друзья, знакомые. Там вообще – гнездо алкоголиков и недоваренных писателей! – Наконец выплеснулась тетя, видимо, вспомнив своего знаменитого супрага, которого в города знала каждая собака и виляла перед ним хвостом, если у него был гонорарный день.

Александра Баржанского, действительно, знала вся страна. Я его звал дядей Сашей.

Конечно, я встречаюсь с ним в «Байкальских зорях». Это был обаятельный человек, балагур и хулиган, мудрец и простак в одном лице. В одно время, замучившись с его пьянством, тётя стала закрывать его на ключ. Но каждый раз обнаруживала его пьяным. Оказалось, что дядя Саша после ухода Беллы Иосифовны спускал из окна сумку, привязав к нему длинную бельевую верёвку. И кричал первому же прохожему мужчине:

– Слушай, друг, отвяжи сумку и стоняй в магазин. Там на три бутылки. Одну себе возьми.

Никто не мог отказать Александру Баржановскому. Выпивали, не отходя от окна, если это было летом.

Мне казалось, что я знаю Баржанского с рождения. Пьяным он смеялся и обнимал меня:

– Это я только с Беллой Иосифовной развёлся. Но не со всеми же Азаровыми! Помни, что ты – надежда. Это, брат, тяжелый случай...

Высокий, худощавый и красивый, с развевающимися волосами и в белом, летящем на ветру, плаще они шёл по улицам Байкальска и каждый был рад с ним поздороваться, поговорить, выпить, спеть! Он заведовал в Драматическом театре литературной частью.

Я часто думал: пусть Баржанский пишет книги, но книгу надо писать о нём самом. В Драматический он пришёл до войны. На войне был лётчиком, горел в самолёте. По его пьесе поставили фильм, и вся страна пела о том, как старшина милиции задержал гражданку. Прибывшие усмирять его пьяные дебоши милиционеры, вытягивались в струнку, увидев среди его документов удостоверение «Почётный милиционер города Москвы».

– Ты можешь выжить среди этих кровососов и стать травоядным! – Смеялся он пьяным, приветствуя меня и протягивая стакан с водкой.

– Чокаться не будем! Мы же не чокнутые!

Вот чего и кого боялась Белла Иосифовна, говоря «ни грамма».

Баржанский приходил к Дине. Белла Иосифовна не препятствовала, но панически боялась, что он погубит меня.

– Одну Шарланову он уже погубил! – Поджимая накрашенные губы, говорила она, как бы не обращая ко мне. – Но талант нашего рода сильнее его уловок. Не правда ли, Витя?

В этом моменте она поворачивалась и ласково смотрела на меня. Конечно, я соглашался с ней, но, смеясь в душе, знал, что Баржанский стоит за моей спиной.

Слушая тётю и Дину, я возвращался к своим мыслям у «Музыкальной школы». Итак, мысль – это то, что мы, наконец-то, узнали, достигли. Но на данном этапе развития, на данном... Баржановский давно был на другом этапе. Он знал другое, чем все мы. И звал узнать это же самое и меня. Видимо, был уверен, что я смогу дойти до его этапа. Иначе не звал бы.

В полночь я открыл окно. К моему удивлению дыма не было. Ожидаемый дождь так и пошёл, только обнадёжив скупыми каплями.

Ко мне подошла Дина. Мы закурили. Курить при тётё мы боялись. До рассвета мы говорили с ней о наших родственниках, их судьбах, о дяде Саше, который в последнее время прибалывал.

– Ты знаешь, зимой к нам приезжал один человек из Америки. Передавал привет от дяди. Посылку привозил. Там есть четки и сто долларов для тебя.

– Уже можно свободно ездить из Америки в Россию и обратно?

– Не знаю. Но этого человека сопровождали КГБэшники, а когда я заговорила с ним на английском, они попросили говорить на русском через переводчика. Но у меня получилось поговорить с ним.

– Ну и что?

– Мама болеет. Лекарства нужны. А человек оказался врачом. Он сказал, что наша Байкальская больница – это приют для убогих. Тогда какие же больницы в Америке?

Большие глаза Дины стали тревожными и ждали ответа.

Значит, тётя болеет. И, возможно, очень серьёзно... Вот так: живешь, живешь, копишь социальный статус, и вдруг оказывается, что ничего не надо и всё – зря.

– Очень серьёзно?

– Да! – Дина чуть не заплакала.

– Ладно, будем слушаться её. Никаких тревог и волнений.

Утром, собираясь в «Байкальские зори», я увидел в окно, что тётя вместе с такими же пожилыми женщинами делает какие-то дикие упражнения в сквере двора, где был разбит цветник.

– Йогой они занимаются! – Рассмеялась Дина. – Пей кофе. Ты и вправду поаккуратнее в этой редакции...

Глава третья

В общем, не прошла неделя, как я покинул остров, видел с высоты полыхающую тайгу и тянущиеся, видимо, к богу чёрные и пламенеющие бороды дыма, задыхался дымом на суше, приземлился в Остроге, забежал в «Кошару», и вот – прибыл в Байкальск. И живу.

Такие вот дела.

О чём я только не думал за эту неделю. Сегодня мне пришло в голову, что либо страну высадили с поезда истории, либо пытаются даже не посадить, а подсадить в другой вагон, другого состава, летящего в какие-то тартарары. Столько недоразвитых и живых культур должны были улетать туда. Неужели безвозвратно?

Вот здесь, на скамейке сквера у «Гостиного двора», я часто сидел с Баржанским, и он мне рассказывал всякие нелепости и пророчествовал о будущем. «Любой народ – жертва ничтожеств, идеологии и времени. – Изрекал он, выпив полстакана коньяка и закуривая «Стюардессу». – Немцы – жертвы Гитлера, монголы – обстоятельств Средневековья. Неравные вещи и явления сосуществовать не могут, должно быть хотя бы приблизительное равенство в культуре. Только недоразвитые штуки живут в одной ограниченности».

Заключал он свою мысль утверждением, что немцы – это Европа, а Европу мы никогда не догоним. Спорить я не смел, в Европе не был. Но наивно полагал, что, если народами управляют ничтожества то, следовательно, опасаться их – глупость. Но вслух свои «открытия» не выдавал, а Баржанский, которому постоянно нужна была публика, тащил меня в какое-нибудь шумное заведение. Такие случались дела.

Теперь я добрался до знакомого сквера и скамейки у «Гостиного двора» и, читая утреннюю газету, рассматривал знакомую вывеску кафе, завсегдатаем которого был дядя Саша.

Мир требовал разрушить Берлинскую стену, полагая, что от этого станет всем лучше. Может быть. Жертвы ничтожеств... Значит, сами ничтожества. Не с луны же они падают.

Интересно, чем занят Барабаш? Вчера я звонил Чижову. И почувствовал, что тот подпрыгнул у телефона. Закричал, что ждёт меня в любое время суток. Потом я дозвонился до редакции Ильича. Трубку взял редактор Кан. Он живо стал интересоваться моим местонахождением. Узнав, что в Байкальске очень удивился, после чего позвал Ильича. Минут десять мы перекрикивались в трубки, из чего стало понятно, что семья дочки Мельниченко вот-вот приедет к нему. После устройства внука, дочки и зятя, он собирался на путину. Я представил Ильича на носу траулера, идущего по волнам океанской зыби, его устремлённый вперёд нос, на котором толстенные очки, его развевающийся на ветру седой хохолок. Картина вырисовывалась выдающаяся – «Пират Мельниченко. Первый выход на промысел».

Жизнь моих друзей шла своим, упорядоченным, чередом.

Заходить в «Байкальские зори» я побаивался. Там вторые сутки шла пьянка по поводу приезда какого-то крупного московского писателя.

Рукопись мою они приняли сразу. Никаких хлопот. Тётя Белла провела в городе мощную работу. В «Комсомольце Байкала» готовили какой-то необыкновенный очерк обо мне, звуко-режиссеры радио подбирали мелодию для передачи, вот-вот должны были сделать запись со мной.

В Драмтеатре мне сказали, что Баржанский должен появиться сегодня. Если не опоздает. Оказывается, он улетал на литературное сборище в Среднюю Азию. Мероприятие называется «АЗ и Я».

Какое-то режущее по живому слово. Как кривая сабля янычара. И сразу же память выхватила удивительный кружевной сонет Николая Гумилёва, который я читал давным-давно в каком-то дореволюционном издании, найденном в запасниках библиотеки Острога. Жасмин-

ные сады, город. Моря в этом сонете не было, но оно угадывалось, как и приступ стены, средневековые, жёлтые и бледно-зеленые цвета с лазурным, пенящиеся волны и морской песок...

По утрам мы разбегались: тётя – в издательство, Дина – в какой-то научный центр, а я – в «Байкальские зори», успевая по пути напиться информацией, которая пестрела в ларьках «Союзпечати» и наглядеться на пёстрый народ, торопящийся по улицам и переулкам Байкальска, где время от времени раздавались трамвайные звонки.

Сегодня утром я купил в букинистике затрёпанную библию с орфографией до 1918 года.

Пусть тётя хлопочет о социальном статусе, но неплохо бы продолжить самообразование. Библию я читал и раньше и тоже в подвалах. Это случилось лет десять тому назад здесь, в Байкальске, когда я попал в подвал центральной библиотеки, куда меня затащил Баржанский ещё во время своего жития с Беллой Иосифовной.

В комнате, буквально набитой старинными книгами, чихая и ругаясь, он вытащил с верхней полки толстенный фолиант в кожаном переплёте с замысловатой застёжкой и сказал, смотря со стремянки на меня и пожилую библиотекаршу: «Не зная Библию невозможно судить о чём-либо вообще, а об истории, искусстве и культуре особенно. Что человек увидит в картинах, если они написаны по библейским сюжетам?» С этими словами, он слез со стремянки и протянул книгу мне: «Чтобы назубок знал! Только верни в библиотеку».

Назубок я не знал, а потому был виноват.

А тогда, после извлечения Библии, мы отправились на берег реки, где разложили на траве водку и закуску, и дядя Саша до полночи говорил и говорил. Свои монологи и тексты он называл литературными отправлениями.

«В жизни – всё отправления. Они могут быть сами разнообразными. Литературными, экономическими, политическими. Человек только тем и занят, что поглощает, переваривает и отправляет». Обратного движения не бывает».

Вот какие дела были у меня с дядей Сашей Баржанским.

В общем, у каждого Абрама своя программа.

– Вот тебе договор, подпиши, второй экземпляр оставь себе. – потребовал Толя Щитиков, когда я появился в «Байкальских зорях» со свернутыми в трубочку газетами и Библией. – Святым писанием занялся?

– Приобрёл. Пусть своя будет.

– Вот чудик. Нафига она тебе? Другой литературы мало?

Договор был о публикации моего романа. Хорошее дело. Я становился богачом.

– Третий гонорара получишь сегодня, остальные – после публикации. – сказал Щитиков после того, как я расписался и протянул ему экземпляр договора.

– Кейс советую купить, – заметил Толя. – Вот куда ты попрёшься со своими бумагами и святым писанием?

– Куплю! – Пообещал я, – пока пусть они побудут у тебя в столе.

– Ладно. Не в столе, а в сейфе! – С этими словами Щитиков, открыл массивный железный сейф неприятного тёмно-зелёного цвета, стоявший в углу его кабинета. – Потеряешь же где-нибудь.

– Обязательно потеряю...

Редакция наполнялась звуками и запахами, вероятно, как и все учреждения города. Закрыв мои бумаги, Щитиков извлёк откуда-то из-под стола недопитую бутылку водки. Поставил на стол два стакана.

– После вчерашнего осталось. Москвич уехал. Надоел он нам своим талантищем. Будешь? Чего мотаешь башкой. Беллы боишься. У меня ночуй, я же один.

Не успел он закончить предложение, как вошли сразу четверо. Сразу видно – поэты и прозаики – плащи и морды помятые, глаза – во всём бесповоротно правы, весь образ – мир только для них.

– Ты куда Азар сбежал? Тебе надо от Беллы Иосифовны бежать, как Баржанский! Кстати, он сегодня или завтра должен появиться...

Компания извлекла из карманов бутылки и закуски.

Отдёрнули массивную штору, обнажились два жёлтых стола 1960-х годов, кипы газет, журналов, рукописей.

Погас свет, вспыхнула гулянка.

– Так ты на острове был?

– Какой-там журнал выходит?

– С Лаперуза камни бросал...

– Толя, сгоняй за пирожками.

– Вот почему я должен обращаться к секретарю крайкома на вы, а он ко мне – на ты?

– К любому начальству только на вы!

– Так ты же воспринимаешь их серьёзно, по-настоящему и как настоящих. А для меня они – никто, ничтожества.

– Азар, ты снова за своё!

– Потому у него и нет ничего.

– Пузырёву говорят трехкомнатную дали.

– А Гордеев «Жигули» вне очереди покупает.

– Азара надо бы в Союз принимать...

– Роман его в журнале прогоним и загоним в наши ряды. Белла же не успокоится, пока мы не примем. А без неё как издаваться?

Главное событие в жизни никогда не случится. Оно всегда будет впереди, главное событие – всегда недостижимо. Пройдет время и окажется, что главное событие осталось позади незамеченным.

Мир и милые люди этого мира плыли и качались перед глазами. Они куда-то выходили и входили, потом дружно пели, в один из моментов появился громадный парень с ошалевшими глазами и читал свои шальные стихи.

Непросто очнуться в обед, но я очнулся.

– Хорошо тебе с непривычки: выпил, уснул, протрезвел! – Засмеялся кто-то из поэтов.

– А вы и не пьянете?

– Вторая натура – привычка! – Рассмеялся Щитиков.

Оказывается, мы перешли в большой, общий, кабинет, где был массивный диван, на котором я и пришёл в себя.

– Володя с Борей на обед отвалили. Серега и Гошка сейчас придут, – как бы доложил мне Толя. – Ты же дал им деньги на водку и закуску.

– Так я и должен дать...

Маленькими молоточками стучали у меня в голова слова Баржанского, сказанные им когда-то на скамейке возле «Гостинного двора»: «Любой народ – жертва ничтожеств, идеологии и времени. Немцы – жертвы Гитлера, монголы – главные жертвы Средневековья, завоевав на время полмира, они навсегда лишись развития». Потом барабанной дробью зазвучали какие-то лающие речи, звучали они до тех пор, пока не превратились в нечленораздельные мычания, исходящие из уст какого-то бровастого быка.

– Выпей немного. Привыкай! – Тряс меня за плечи Щитиков...

Привык я только на второй день. Высокий поэт Володя заметил, что привык я быстро и посоветовал Толе отнести Белле Иосифовне часть моего гонорара, а заодно сообщить, что её любимый племянник находится в писательских дачах.

– У кого конкретно не называйте. Тётя Белла может и примчаться! Сегодня мы туда поедem. – Напутствовал Володя.

Но вместо Беллы Иосифовны в редакцию примчалась Дина. Увидев меня в классическом состоянии байкальского писателя, она долго смеялась. Ей было не привыкать к таким картинам.

– Только не бросайте, а если папа появится, то пусть заберёт его к себе, – велела она Володе. – Папа опаздывает с этого «АЗ и Я»

– Будет сделано, Диночка. Да он в норме!

– Динка, ни одной клеточкой не беспокойся за меня! – Запротестовал я, вставая с дивана.

– В нормальной он кондиции, Дина, – Уверенно басил двухметровый Володя.

Позже я узнал, что он жил в соседнем от нас доме.

Но я ещё не знал, что это только начало, так сказать, ранний рассвет жизни байкальского писателя...

– Говорят, Баржанский в городе.

– Берлинскую стену всё-таки надо убрать!

– А кто её уберёт?

– Она прочнее китайской!

– Азар, читай стихи. Ты вчера вообще классику читал.

– Или Есенина сбацай!

– Да разве стихи меня волнуют, когда я даже о себе не беспокоюсь.

– О родине что ли? – рассмеялся щуплый Гошка.

– Причём тут родина? Есть что-то больше меня, родины, тебя... Вот что меня волнует.

Такие вот дела...

Внезапно стало тихо. Мелькнуло что-то белое. Я поднял голову. В дверях стоял Баржанский.

– Горизонт твоих представлений стал совпадать с возможной жизнью. Ну, здравствуй! Кто таким пойлом угощает будущее нашей литературы?

На столе возникли пузатая бутылка коньяка и два яблока.

Вот он – искуситель.

Глава четвёртая

В шестьдесят шесть он выглядел сорокапятилетним.

Красивым жестом дядя Саша Баржанский налил полстакана коньяка и торжественно протянул мне:

– Береги себя! Пусть твои горизонты совпадут!

Коньяк обжёг горло и пообещал вернуться, но был придавлен яблоком. Хохот в ушах усилился, образы снова стали размытыми.

– Вообще пить не умеет. Учить надо!

– Для того, чтобы стать писателем надо иметь железную печень!

– Лишь бы руки не тряслись!

– Что руки! О голове думайте.

– Головой?

– Да не об этой голове.

– Проверено?

– Пьянствовать здесь пошло. Мир рушится. Надо петь и плясать на его обломках. Идём в «Дружбу».

Это объявил Баржанский, учивший меня тому, что, если нельзя остановиться пьянку, то надо его возглавить.

Видимо, горизонты моих представлений никак не совпадали с реальной жизнью. А почему они должны совпадать? Что-то всегда осуществляется в человеке для того, чтобы явиться. Совпадение тут только мгновенное, уловить невозможно. Но, если оно стало ступенькой для дальнейшего продвижения, то ниже шагнуть уже невозможно, только – выше. Мысль схвачена и зафиксирована.

Явился дядя Саша Баржанский. Не с боржоми, с коньяком явился. И объявил полнейшее освобождение от всяких условностей, в том числе от идеологии и прочих, ставших привычными, условностей нашего мира. В результате такого неожиданного освобождения жизнь покатилась рывками и совершенно непредсказуемо.

Взрывающийся музыкой и звоном оркестр, мириады мигающих огней, появляющиеся из мглы кричащие лица, дирижирующий всей этой чертовщиной Баржанский, визжащие девушки и блестящий саксофон, выплёскивающий из хобота крики похотливого слона.

Неожиданно саксофон неистово затрубил и пропал во мгле...

Очнулся я от того, что по мне кто-то ходил. И даже напевал, вернее напевала. Спина похрустывала и ощущала приятную тяжесть и прикосновение босых ног. Перед глазами были стол, телефон, в окно пробивалось всеми животворящими лучами июньское солнце. На ковровой дорожке – женские шлепанцы.

– Где я? – Не то альтом, не то дискантом спросил я, чувствуя, что разучился говорить.

Наверху раздался смех и мягкий женский голос ответил:

– В кабинете заместителя директора ресторана «Дружба». Александр Евгеньевич велел привести вас в норму. – С этими словами с моей спины мягко опустилась на ковровую дорожку симпатичная девушка в синей ресторанной униформе, лицо которой было в обрамлении светлых локонов.

Она всунула ноги в шлёпанцы и улыбнулась, показав на щеках милые ямочки, в глазах – задорный огонёк.

Оказалось, что я лежу на кушетке непонятного назначения.

– Какой Александр Евгеньевич?

– Так вы не знаете его? Однако! Баржанский Александр Евгеньевич. Он сказал, что вы его племянник.

– Это ресторан?

– Это кабинет Аллы Петровны. Дальше – кухня, потом – ресторан. Александр Евгеньевич здесь иногда отдыхает после застолий с гостями.

– Простите, – просипел я. – А кто вы?

– Олеся, официантка этого ресторана. Александр Евгеньевич попросил меня и Крестю присмотреть за вами. Я недавно сменила Крестю, а утром начала делать вам массаж. Мы всегда делаем по утрам массаж Александру Евгеньевичу.

Словоохотливая девушка. Массаж ли подействовал или слова Олеси, но я стремительно приходил в себя, хотя чувствовал, что рассуждать и говорить в привычном ритме начну даже не сегодня.

На мне были одни плавки, на стене – эротические акварели в застеклённых рамках. Джинсы были аккуратно сложены в кресле. Уютный кабинетик.

– Кофе, коньяк, сливки, газировку или аспирин? – В кабинет вплыла Олеся с подносом, уставленным чашками и блюдами.

– А что Александр Евгеньевич принимает по утрам? – Просипел я.

– Когда как. Если на работу, то аспирин, кофе, а если какая-нибудь встреча с друзьями, то – коньяк.

– Мне всё, кроме коньяка.

– И такое бывает, – промурлыкала Олеся, расставляя на столе приборы. – Вы на сливки налегайте. Обезвоживание у вас. Организм надо смазать и привести в движение.

– Это Александр Евгеньевич так говорит?

– Ага. Кто же ещё так скажет.

Вот тебе и освобождение от условностей! После кофе, сливок, газировки и аспирина потянуло на сон.

– Олеся, можно я вздремну?

– Конечно. Сегодня воскресенье. Работать начнём с обеда. Алла Петровна вообще не придёт.

Воскресенье! Ничего себе. Я зашёл в «Байкальские зори» в среду. Очнулся в «Дружбе» на четвёртый день. Документы и бумаги у Толи Щитикова. Как теперь являться к тётке? С какими глазами? Или, действительно, освободиться от условностей и плюнуть на эту неделю? Можно считать, что в «Байкальские зори» роман сдан, опубликовать будут. Ладно, разберёмся и с «Комсомольцем Байкала». Но как я буду читать главы на радио? С таким голосом и какой-то мёртвой лягушкой в желудке?

Медленно, но уверенно, как и всегда, я начал убивать себя железной логикой, но тут вмешался голос Баржанского: «К черту условности! Срочно меняй сознание и угол зрения! Подумай о том, что любой из нас в любой момент может умереть, исчезнуть! Разве так важны твои маленькие радости, которые ты возвёл в преступления? К чёрту!»

Тогда к чёрту и самого Баржанского...

Олеся неслышно вышла, солнечный луч коснулся моей головы, и я поплыл в блаженный сон, всё ещё ощущая разъятые части своего тела по отдельности, которые никак не хотели снова соединяться. Пусть мне приснится пьеса, о которой говорил дядя Саша...

Он пришёл за мной в обед.

– Делаю вывод: пить ты совершенно не умеешь. Это – раз. В тебе, как и во всех нас, но в тебе больше – нет никакой культуры. Да её и быть не может. Это – два. – Говорил мне на утро следующего дня Баржанский. – Дальше: в «Байкальские зори» – ни ногой. Белла Иосифовна ошиблась, сказав тебе, «ни грамма». Так бывает, но не в этой стране. Ни ногой – лучше. Это –

три... Материалы у тебя так и так возьмут. Байкальский регион – твоя родина. Тут всюду сидят неучи и бездари. Так должно быть. И не надо протестовать или ругаться по этому поводу. Так получилось...

– Читали?

– Посмотрел. Как же, обязан посмотреть... Написал ты ерунду. Просто много материалов для газеты. Но это уже – гонорар. И, как говорит Белла Иосифовна, социальный статус. Тебе с твоей отметкой в органах, этот статус ох, как нужен! Дальше – надо делать из материала серьезную литературную рукопись. «Зори» пусть печатают. От них не убудет, да и деньги нужны.

– Но хоть что-то получилось, дядя Саша?

– Есть моменты. Но только моменты. Остальное – литературщина. Байкальский регион – это много национальностей. А у тебя их нет. Какие-то неясные, мутные людишки. Не люди! Колька Орлов – что за образ? Разве так изображают трагедию маленького человека? Тебя могут погубить невежество, но спасти – только честность.

Он ходил по своему кабинету и неторопливо рассуждал, посадив меня в кресло напротив.

– Один момент у тебя смачный! – Он засмеялся и закончил, – Воспоминания о бурятке, которая мужа искала в начале войны. Там – честность. Название таких кусков правильное – «Необходимое отступление». Из этого куса может получиться замечательная пьеса. Ты хоть знаешь что такое пьеса? Если вдуматься, то у тебя материала на несколько пьес.

– Даже не думал, дядя Саша.

– Конечно, не думал. Ты же носишься всюду, знакомишься с кем попало, работаешь с кем попало. Всюду у тебя – с кем попало. Но это даже хорошо. У нас, городских, такого материала вообще нет. Мы даже мечтать не можем о таком материале. А у тебя он повсюду разбросан. Разбросан, но не написан и обработан. Куча болванок, из которых надо вырезать что-то или кого-то. Столько материала! – Он энергично потрянул головой, рубя рукой воздух, при этом его сидящая шевелюра взметнулась и осела.

– А что делать, дядя Саша?

– Работать, обрабатывать болванки. Думать! Воображать! Плакать! Над вымыслом! – Шевелюра его снова взлетала и оседала. Он ходил от окна до окна и говорил, говорил, говорил. – Наша жизнь – фантастическая глупость. А кто восстанет против этой глупости? Никто! Ведь существа, которые живут в этой среде, обладают всеми свойствами этой среды. Других нет! Мысль приходит только при достижении какого-то следующего, за существующим, уровня. К тебе она не пришла. Ты просто списал во множестве существующую глупость, ибо сам – частичка этой глупости. Ты должен писать, как бы совершая преступление и предвидя наказание. Не бойся других, они не лучше тебя, но и ты, пока, не лучше их.

– Что делать, дядя Саша?

– Вот вопрос! Представь себе массу риса, которая бурлит в одной кастрюле. Ни одна рисинка не может выскочить из кастрюли для того, чтобы посмотреть на общий процесс. Так вот, ты должен быть той самой рисинкой, которая имеет право быть вместе со всеми в кастрюле и покинуть эту кастрюлю для того, чтобы оценить весь процесс снаружи. Ты должен представлять и кухню, и повара, и содержимое кастрюли, и самого себя. Но ты пока Афоня, видел фильм? Не можешь выйти из кастрюли. Ты варишься вместе со всеми.

– Вы мне поможете?

– Ни в коем случае! Помогать таланту – это значит вырвать деревце с корнем и, дав ему засохнуть, а потом шестьдесят лет уверять, что он жив и плодоносит. Мы лучше сделаем вот что: этот твой «роман» пусть печатают, пусть крепнет на радость Беллы Иосифовны твой социальный статус, пусть идут гонорары, но ты начнешь обрабатывать и превращать все эти куски в отдельные произведения – в рассказы, пьесы, повести. Ты сможешь, только никого не слушай, не внимай ни одному авторитету и масштабу. Особенно, писателям каторги и всего

Байкальского региона, всему, что имеет отношение к социалистическому реализму. Даже если этот реализм кормит! Доверяй – классике, литературе до 1930-х годов...

Ошарашенный, я слушал Баржанского и видел свой роман в деталях, всё, что я настроил «Любовой» представало, действительно, отдельными и неживыми болванками, из которых надо было что-то вырезать и оживлять. Всё бесформенно, кусками, нелепо, наивно.

– Не горюй, Витька! Радуйся, ты же собрал столько материала! Впереди у тебя так много работы. Ты всё сделаешь, ты сможешь. Ты же талантливый парень, – говорил между тем дядя Саша, собираясь куда-то уходить и до блеска надраивая щёткой свои туфли. – Не зря я просил беречь себя! Ты же не смог отказаться от коньяка! Большое дело, смочь! Быть со всеми и одновременно в одиночестве – искусство! – Он решительно тряхнул шевелюрой и ткнул воздух указательным пальцем, направив его прямо на меня. – Запомни, всё, что ни делается, к лучшему. Ты правильно сделал, что покинул остров и появился здесь. Всё правильно – даже пьянка твоя правильная. Я на днях выезжаю с театром на гастроли. Живи у меня, пиши, не гуляй. Летают, летают у тебя люди над городом, как у Шагала. Дай им отдельные сюжеты... Деньги у тебя на первое время есть. Библиотека у меня приличная. Чуть чего Динка придёт, поможет. Ну, я в театр.

Пригвожденный безжалостными и ободряющими словами к деревянному креслу, я остался в кабинете Баржанского. В голове у меня была звенящая пустота...

Глава пятая

Образование – это не только пропуск в мир, это ещё и единственный пропуск в мир образованных людей. Другого пропуска нет. Логично?

Но каждый новый уровень знаний – пропуск в новый мир, который находится на следующей плоскости культуры и образования. Общение со всем миром, то есть хаотическое общение со всеми подряд, допустимо, если только ты окреп и возмужал на предыдущих уровнях. Василий Кандинский, уже будучи профессором в России, стал студентом в Европе.

Моя сестра Дина говорила, что у меня громадный и постоянно пополняемый хаос знаний, сшитый из самых разных лоскутков информации и событий. Ей хорошо, у неё упорядоченная жизнь, дозированная с детства, она в гавани, а я – в океане.

Всё ещё пригвожденный словами дяди Саши, я сидел в его кабинете, как бы заново разглядывая книжные шкафы и полки. Вот история Лондона в нескольких томах. Помню, как он, сосредоточенный, сидел над ними, тётя Белла возилась на кухне и шикала на нас с Динкой, когда мы шумели.

Критики писали, что в трилогии Баржанского Лондон описан так, как будто он родился и прожил всю жизнь. Более того, что он сидел в тюрьме Тауэра.

Дядя Саша всё время читал и писал, читал и писал. Загулы случались только после выхода или публикаций книг, постановки пьес. Иногда он месяцами не выходил из дома, ни с кем, даже с нами и тётей Беллой не общался, ходил сосредоточенный, натёк на все углы, часто подолгу сидел на одном месте, неожиданно бежал в кабинет и часами не выходил оттуда.

«Человек должен определяться культурой какой-нибудь страны или народа», – вдруг говорил он невпопад и никому не обращаясь, когда мы обедали. Мне до сих пор нравится слово «определяться». Это как – узнаваться.

«Но лучше определяться общечеловеческой культурой, – иногда поправлялся он, расхаживая по кабинету и неожиданно, бросаясь к томику Эразма Роттердамского».

Ужас начинался после выхода материала в газетах или журналах, сдачи рукописи в издательство, постановки пьесы. У меня даже волосы болят, когда я вспоминаю об этих ужасах. Дело в том, что мне до сих пор кажется, как он, пьяный и весёлый, хватал меня за волосы, когда я, маленький, пробегаю мимо него. Посадив таким образом меня на колени, он изливал свои бесконечные монологи, целовал меня и Динку. Потом вваливалась ватага таких же пьяных друзей, дальше они исчезали в жадно засасывающих чревах каких-нибудь забегалок, кафе, ресторанов, из дверей и окон которых валил зимой пар, а все окнами брызгали желтыми и праздничными огнями.

Когда по его повести поставили фильм, а вся страна пела «Старшина милиции задержал гражданку», он ездил с тетей Беллой в Москву. Встречали, видимо, мощно. Столько лет прошло, а тетя Белла до сих пор рассказывает, умалчивая о заключительной части поездки. Руководство московской милиции вручило Баржанскому удостоверение «Почётный милиционер города Москвы». На каком-то вокзале он затеял пьяный дебош, его задержали, а разгневанная тётя Белла приехала в Байкальск одна. Трудно представить её потрясение, когда она, сойдя и подехав на такси к дому, увидела Баржанского, выносившего мусор. Она уже падала в обморок, когда дядя Саша подхватил супругу, бормоча: «Как же пошло и уныло долго добирается ваш поезд до Байкальска». Тут главное слово «ваш».

Дело в том, что в отделении милиции, обнаружив удостоверение «Почётный милиционер города Москвы», какой-то генерал распорядился отправить Баржанского до Байкальска первым литерным поездом, который опережал график обыкновенного состава почти на полторы

сутки. Сопровождали дядю Сашу два милиционеры, которые всю дорогу носились от купе до вагон-ресторана.

После таких грандиозных увеселений он снова закрывался в кабинете минимум на три месяца.

Многотомная история Лондона, насколько я знал, нужна ему была для двух абзацев о Тауэре. В будущем эти знания пригодились для воспитания Дины, которую он устроил в школу с каким-то сложным английским уклоном.

«Никогда не давай обещаний, если у тебя нет возможностей выполнить их!» – изрекал он во время наших коньячных бесед.

Он брал меня на многотысячные парады и праздники. И каждый раз, когда маршировавшие колонны военных и гражданских приветствовали с трибун, не имеющие к ним отношения, какие-то пожилые и самоуверенные люди, пьяная и высокая фигура Баржановского одиноко маячила на другой стороне площади в тени летящий коней оперного театра, вровень со шпилем здания телерадиокомитета края. Он тоскливо смотрел вслед уходящим колоннам и на высокие трибуны со скучными людьми. Рассказывали, что в один год он даже помочился...

Виноватый, я ходил по его кабинету и будто бы заново изучал знакомый с детства кабинет, портреты на стене, с которых смотрели знакомые и незнакомые мне люди.

«Живой человек должен в течение всей своей жизни производить движения, которые будут всегда приносить ему деньги. То, что у тебя в голове – для таких движений!» – Произнёс он, когда мы шли по улице и увидели баяниста, который играл знакомые мелодии, а у его ног лежала кепка с мелочью.

Несомненно, музыкант радовал людей и идти по Байкальску под звуки боевых маршей или бравурных вальсов было намного приятнее, чем уныло плестись, ругая городские власти. Баянист был старинным другом Баржанского. Рассказывали, что он иногда сидит возле него, слушает баян и даже подпевает.

Серьёзный урок задал мне дядя Саша. Чтобы сказали мои знакомые, те же Барабаши, Чижов, Ильич? Они, наверное, никогда и не слышали таких уроков. Вот бы дядю Сашу в Ака-туй-Зерентуй затащить с лекциями!

Вечерело. Дядя Саша не появлялся. Зато пришла Динка.

– Ты же ничего не ел! – Захлопотала она на кухне. – Мама успокоилась. Она прекрасно знает жизнь байкальских писателей. Велела тебе отойти, отмыться и явиться к ней. А папа, скорее всего, снова в «Дружбе» гуляет. Там, наверное, и заночует. Надо бы помочь ему подготовиться. Через неделю театр отправляется на гастроли.

– Знаю, он уже сказал мне. Велел тут жить.

– Ну и живи. И пиши спокойно, – чуть ли не пела Динка, разбивая над сковородой третье яйцо. – Массаж спины тебе в кабинете Аллы Петровны не делали?

– Какой массаж?

– Не притворяйся, Витька! Сам знаешь какой массаж. Я давно выследила все папины тонкости. Алла Петровна его одноклассница, она замдиректора ресторана. Официантки у неё вышколенные. Та ещё сводня. Ей бы директором бордели быть, а не советским рестораном командовать! Говорят, она всю верхушку края обслуживает... Между прочим, папа сказал мне, что возьмётся за тебя по полной программе. Только какая будет программа?

Динка хихикнула и потрепала мои вихры.

– Садись, классик, кушать подано!

Выговорившись и пожелав мне хорошего отдыха, Динка умчалась домой. Все эти страсти происходили на небольшом пятачке микрорайона, прозванным народом Элеватором, за которым сразу начинался проспект Победы, где и зазывал всеми огнями ресторан «Дружба». Какая программа? А какая она у Абрама?

Наконец-то, я по-человечески поел, выхлебал две бутылки кефира. Часа два отмякал и обновлялся в роскошной ванной, размышляя о том, что дядя Саша непревзойдённый специалист по темам и сюжетам, завязкам и всевозможным развязкам, а я – совершенный балбес и лопух, а потому надо прекращать любые возлияния, даже с Баржанским.

То есть – присутствовать, но не падать.

Выдав для себя такой лаконизм, я обдумал его со всех сторон, ища изъяны, но, конечно, не обнаружил. Своё говно не пахло. После этого общечеловеческого лаконизма я решил, что мне далеко до серьёзной культуры, даже если я не воспринимаю всяких браток и всё исходящее от них.

Интенсивность обновления перешла в другую фазу, когда после ванной я открыл Библию. Оказалось, что дядя Саша забрал все мои вещи у Толи Щитикова и принёс домой.

На полях третьей страницы Библии, которую я купил недавно, было написано «Акатуйская каторжная тюрьма. 1842 годъ» Интересные события разворачиваются, Виктор Борисович. В это время там находился Лунин. Может быть, и эту Библию он держал в руках?

В полночь я перекинулся на архитектуру и думал, что человек, рождённый и живущий в однообразных хрущёвках и пятиэтажках должен получиться таким же безликим и уродливым, да ещё с плоским сознанием. Вот если бы его окружала итальянская или французская, немецкая или английская архитектуры, разные барокко, рококо или готика, да ещё божественные елисейские поля и версальские сады, то, вполне, возможно, что в мозгах у него появились бы какие-нибудь загогулины. В этом случае любой Гаврош не будет топтать цветочную клумбу. Такие должны быть дела у людей разных архитектур и садов!

Неужели я мысленно спорю и возражаю Баржанскому, который вырос вообще в дикой степи, а во время войны бомбил европейскую архитектуру? Ведь он служил в полку дальних бомбардировщиков. Откуда он узнавал о достижениях культуры, если жил всё время в Байкальске, среди этих унылых и плоских домов? Играл в драмтеатре до войны. Это же надо не только Библию читать, но и жить во Флоренции, видеть Лувр, проходить под Бранденбургскими воротами, подняться на Афинский Акрополь... Как без всего этого можно говорить о какой-то культуре? Опять долдонить о народе-богоносце и вселенской миссии?

Долго ещё у меня хлопотало и бурчало в мозгах и желудке, пока я, обессиленный, не уснул на чистой кровати, даже не чувствуя, как в далёком детстве, естественную защищённость. Ведь защищённость присутствовала сама по себе. Но это только в детстве.

Вот имели же такую пожизненную защиту разные там кавалергарды и гусары, богатейшие люди России, которых упекли в Сибирь за их же глупость. И зачем им эта глупость нужна была? Справедливости хотели? Фигня всё это, братцы мои милые! Амбиции дурацкие замутили сознание. И ничегошеньки больше!..

Жить в таких условиях всю жизнь, а не в перерывах между редакциями, общагами, чужими углами и вытрезвителями.

Галерея декабристов, собор Василия Блаженного, Версаль, Бальзак... Ещё какие-то красоты и имена... И блаженство...

Дядя Саша заявился утром. Увидев на кровати раскрытую Библию, заметил:

– Надпись эту я сразу увидел, ещё в редакции. Странная надпись!

– Как эта книга дошла до наших букинистов?

– Ничего таинственного! Декабристы имели десятки, если не сотни тысяч книг, библиотеки были потрясающие. Любую академию можно было в Сибири открыть! Но они умирали. А книги народ растаскивал и рвал на самокрутки, печи разжигали, задницы подтирали. Кое-что уцелело. В прошлом году из краевой библиотеки вывезли на свалку пять машин старых книг! Что там было так и осталось неизвестным. С девятнадцатого века валялись в подвалах...

Ладно, вставай, будем завтракать. Я бы посоветовал тебе сидеть здесь, как минимум, месяц, но лучше – два!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.